

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

УДК 32.019.5+394

С.Ю. Рафалюк

Московский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация;

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук,
117418 г. Москва, Российская Федерация

Коллективная историческая память о Первой мировой войне в России и Беларуси в контексте коммеморативных практик XXI в.

Статья посвящена изучению феномена коллективной памяти о Первой мировой войне в современных России и Беларуси на основе анализа коммеморативных практик XXI в. Автором рассматриваются такие формы коммеморации, как возведение мемориалов, учреждение памятных дат, восстановление преданных забвению воинских захоронений и ряд других. Актуальность изучения данной проблемы обусловлена как современными политическими событиями, в которых Россия и Беларусь выступают консолидированно не только на международной арене, но и в процессе формирования единого культурно-идеологического пространства и политики памяти в отношении значимых событий общей истории, так и современным состоянием изучения феномена коллективной памяти, а также необходимостью осмысления значения коммеморативных практик в процессе ее формирования.

© Рафалюк С.Ю., 2023

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: коллективная историческая память, Первая мировая война, коммеморативные практики, места памяти, политика памяти

Благодарности. Статья подготовлена в рамках темы 123091200055-4 «Образы и нарративы исторической памяти российского общества: ценностный императив гражданского активизма» Экспертного института социальных исследований при поддержке Министерства науки и высшего образования в Институте научной информации по общественным наукам Российской академии наук.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Рафалюк С.Ю. Коллективная историческая память о Первой мировой войне в России и Беларуси в контексте коммеморативных практик XXI в. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14. № 3. С. 133–146. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

S.Yu. Rafalyuk

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation;

Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN),
Moscow, 117418, Russian Federation

Collective historical memory of the First World War in Russia and Belarus in the context of commemorative practices of the XXI century

The article is devoted to the study of the phenomenon of collective memory of the First World War in modern Russia and Belarus based on the analysis of commemorative practices of the XXI century. The author considers such forms of commemoration as the erection of memorials, the establishment of memorable dates, the restoration of military graves consigned to oblivion, and a number of others. The relevance of studying this issue is due to both modern political events in which Russia and

Belarus act in a consolidated manner not only in the international arena, but also in the process of forming a single cultural and ideological space and memory policy in relation to significant events of common history, as well as the current state of studying the phenomenon of collective memory and the need to comprehend the significance of commemorative practices in the process of its formations.

Key words: collective historical memory, the First World War, commemorative practices, places of memory, memory policy

Acknowledgment. The article was prepared within the framework of the topic 123091200055-4 “Images and narratives of the historical memory of Russian society: the value imperative of civic activism” by Expert Institute of Social Research with the support of the Ministry of Science and Higher Education at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).

FOR CITATION: Rafalyuk S.Yu. Collective historical memory of the First World War in Russia and Belarus in the context of commemorative practices of the XXI century. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2023. Vol. 14. No. 3. Pp. 133–146. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-133-146

Термин «коллективная память» был введен в научный оборот в первой половине XX в. М. Хальбваксом, связывавшим ее возникновение и существование с социальной группой, воздействие которой способно придавать любым индивидуальным воспоминаниям о прошлом универсальный характер, способствующий единению и сохранению общественного организма, но, в сущности, рождающий мифологию, а не историю. Ученый противопоставлял коллективную и историческую память, утверждая, что «история возникает там, где останавливается память» [20, р. 112]. На формирование коллективной памяти о событии существенное влияние оказывает политический, социальный, идеологический, культурный контексты его восприятия в конкретном обществе, со временем складывается своеобразный «канон восприятия», разделяемый большинством.

Представления о коллективной памяти по мере эволюции методологических парадигм подверглись определенной трансформации. Так, одна из авторитетнейших фигур в области изучения истории памяти А. Ассман отвергает наличие границ между историей и памятью и выдвигает концепцию «идеальных моделей» коммеморативных практик [1]. С учетом недостаточной изученности роли последних в современной культуре можно согласиться с тем, что процесс формирования коллективной памяти носит управляемый характер.

Одними из центральных сюжетов в конструкции коллективной исторической памяти народов России и Беларуси являются события Второй мировой войны. Это вполне объяснимо, учитывая общее боевое прошлое по достижению Победы, громадное количество человеческих жертв, в т.ч. из состава мирного населения, которое по статистике понесли именно эти республики Советского Союза. Мероприятия и общественные инициативы по поддержанию единой исторической памяти об этой войне имеют и постоянную государственную поддержку в рамках Союзного государства России и Белоруссии, значительно возросшую с связи с событиями на Украине, позицией западных стран в конфликте и стремительной деградацией традиционных европейских ценностей, частью которых на протяжении долгого времени являлось негативное отношение к нацизму.

Историческая память о Первой мировой войне не так актуализирована в сознании современных белорусов и россиян, хотя она имеет сходную природу, также обусловленную общим историческим прошлым народов, которые в начале XX в. были частью Российской империи. В периоды тяжелых испытаний память о военных подвигах и жертвах традиционно выступала одним из важнейших элементов поддержания общегражданской идентичности. В современных обстоятельствах не только память о Второй, но и о Первой мировой войне приобретает особую актуальность для конструирования единой политики памяти в России и Беларуси. В обращении к участникам X Форума регионов России и Беларуси Президент Российской Федерации В.В. Путин, говоря о перспективах дальнейшего сотрудничества отметил, что «особой оценки заслуживают совместные региональные инициативы, направленные на нарастающее взаимодействие в научных, образовательных и культурных сферах, на сохранение общей исторической памяти и борьбу с фальсификацией истории»¹. В ходе Первого российско-белорусского форума историков, который состоялся в Москве 2–3 июня 2023 г., в центре внимания его участников также оказались различные аспекты изучения общей исторической памяти двух народов.

Формы коммеморации памяти о Первой мировой войне, сформировавшиеся еще в межвоенный период, являются достаточно универсальными для всех стран-участниц. Это показывает анализ публикаций, вышедших к юбилейным датам – 50-летию и 100-летию Первой мировой войны, посвященных анализу коммеморативных практик (см., напр.: [5; 15]). На Западе память о войне поддерживается как на государственном (путем возведения мемориалов, почитания Могилы

¹ «Сотрудничество крепнет из года в год». Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина к участникам X Форума регионов России и Беларуси // Союзное государство. 2023. № 6 (196), июнь. С. 11.

неизвестного солдата (Париж, Лондон и др.), создания мемориальных парков и обустройства «лесов памяти», учреждения памятных дат, прежде всего – 11 ноября, почитаемого как день окончания войны, и особых ритуалов, единой символики с использованием красного мака и т.д.), так и на локальном уровне, посредством поддержания семейной памяти – сохранения писем и дневниковых записей фронтовиков, поездок на места сражений и т.п. [15, с. 96]. Однако если для государств, входивших в Антанту, и их народов историческая память о Первой мировой стала одной из важнейших в процессе формирования гражданской и национальной идентичности (а для канадцев, австралийцев и новозеландцев – системообразующей), то для стран, потерпевших поражение, она выступает одной из «болевых точек» в процессе культурной идентификации.

Особое положение в этом контексте занимают Россия и Беларусь, входившие в состав Российской империи, которая войну не проиграла, но и не вошла в число победителей благодаря революционным событиям 1917 г. Основными источниками поддержания коллективной памяти о Первой мировой войне здесь, как и в европейских странах, прежде всего, выступают исторические мемориалы и кладбища жертв боевых действий. В современном научном словаре они получили наименование «мест памяти» – понятия, теоретически обоснованного в работах П. Нора, который трактовал его достаточно широко, включая в число подобных «мест» архивы, музеи, коллекции, кладбища, годовщины и т.д. [9, с. 26]. К настоящему времени сложилось целое направление, занимающееся этим аспектом изучения коллективной памяти, а сам термин вошел в число часто упоминаемых в печати и речах политиков. Ярким примером воплощения данного подхода на Западе может служить монография Дж. Уинтера «Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы», переведенная на русский язык и опубликованная в нашей стране в 2023 г. [17]. В отечественной науке также активно разрабатывается данная проблематика, накопился значительный опыт в изучении эмпирических данных и наметился интерес к ее концептуальному осмыслению [13; 16]. Коллективная память о Первой мировой войне в России тоже является предметом научного интереса исследователей [4; 10–12; 14].

Как известно, в рамках советского дискурса память о Первой мировой войне не обрела достойного места, а сама она получила название империалистической, хотя многие участники этих событий продолжали жить в стране и являлись не только носителями исторической памяти о них, но и обладателями уникального боевого опыта, который оказался чрезвычайно востребован в ходе последующего глобального конфликта XX в. Воинские захоронения не поддерживались, многие из них были

утрачены (как, например, Братское кладбище в Всехсвятском, пригороде Москвы – ныне район Сокол), памятники героизму участников боевых действий уничтожались, а новые начали возводиться, за редким исключением, в постсоветский период. Память о павших поддерживалась усилиями энтузиастов из различных исторических обществ, представителями историко-реконструкторского движения, потомками погибших и т.п. Значимый статус в качестве мест памяти воинские кладбища начали приобретать только после крушения Советского Союза.

Регионом наиболее сохранившихся мест памяти о Великой войне в России является Калининградская область. Здесь расположено значительное количество воинских захоронений, 36 из которых охраняются государством, 9 из них – это кладбища воинов русской армии, 3 относятся к числу захоронений немецких военнослужащих и 24 составляют русско-немецкие захоронения. На учете государства состоят также 38 немецких и 2 современных памятника и памятных знака [8, с. 15]. Однако реальное число захоронений и памятников гораздо больше, и многие из них до сих пор находятся в плачевном состоянии.

На территории Беларуси, по некоторым оценкам, в настоящее время насчитывается порядка 200 захоронений военнослужащих русских, австрийских и немецких войск; здесь, как и в России, часть из гораздо большего числа ранее существовавших кладбищ была утрачена в XX в. В то же время появляются новые находки. На территории Минской области, включая сам Минск, находятся 47 подобных захоронений, 53 расположены на территории Брестской области, 34 – в Витебской области [2, с. 5; 3, с. 5, 124]. Показательно, что воинские захоронения противоборствующих сторон часто дополняли друг друга, что было обусловлено прифронтовой практикой тех времен. Например, на кладбище в районе д. Боруны (Гродненская обл.) среди сотен могил немецких солдат и офицеров нашел последний приют героический экипаж русского бомбардировщика «Илья Муромец», сбитого в 1916 г. На мемориальных кладбищах в районе Нарочи и Десятников (Минская обл.) русские и немецкие могилы соседствуют друг с другом².

В период нахождения белорусских земель в составе Польши, вплоть до 1939 г., вопросами обустройства воинских захоронений занимались польские власти, что, кстати, оговаривалось и условиями Рижского договора 1921 г.; значительную активность, несмотря на ревностное отношение государства, проявлял и Народный союз Германии, который интересовал в первую очередь захоронения соотечественников, однако поддерживалась сохранность могил и российских военных [7, с. 214].

² Гарналицкий М. 1916-й. Белорусское наследие Первой мировой войны. URL: <https://realt.onliner.by/2018/11/12/1916-legacy?ysclid=ln1rtmvrwv440767789> (дата обращения: 10.06.2023).

После Второй мировой войны восстановление и обустройство воинских захоронений в Белоруссии активизировалось в 1980-е гг. по инициативе местных жителей и администраций; в 1990-е гг., после падения железного занавеса, в этот процесс вновь включился Народный союз Германии по уходу за воинскими захоронениями, восстановивший порядка 30 воинских кладбищ эпохи Первой мировой войны, на которых были захоронены немецкие солдаты, но имелись и русские захоронения. В 2000-е гг. активное содействие восстановлению воинских кладбищ Первой мировой войны стало оказывать Министерство обороны Беларуси. Учетом захоронений занимается Управление по увековечению памяти жертв войн; специализированные подразделения, имеющие в своем составе штатных археологов, осуществляют поиск, эксгумацию и захоронение с почестями останков участников боевых действий. В России в 2006 г. выполнение задач по увековечению памяти погибших при защите Отечества также было возложено на Министерство обороны (см. Указ Президента РФ от 22.01.2006 № 37).

Историческая ирония состоит в том, что материальных оснований для коммеморации подвига русской армии в Первой мировой войне на территории Беларуси, где находился один из театров военных действий, гораздо меньше, чем для армии противника. Немецкие позиции лучше снабжались передовыми, с точки зрения военно-инженерной мысли, материалами, в результате чего в лесах Беларуси сохранилось огромное количество немецких укреплений – траншей, дотов, бетонированных убежищ для солдат и офицеров, помещений для хранения оружия и целые бункеры с внутренними переходами; русские же укрепления сохранились плохо. Тем не менее, в настоящее время и те, и другие являются объектами для экскурсионных маршрутов. Многие делается для их восстановления и поддержания.

В постсоветский период восстановлению коллективной памяти о Первой мировой войне активно способствовала деятельность общественных организаций. Так, в 1998 г. в уже упомянутом районе Сокол на севере Москвы на месте разрушенного Братского кладбища по инициативе таких организаций началось обустройство Мемориально-паркового комплекса героев Первой мировой войны [6, с. 48–49]. В настоящее время Российское военно-историческое общество, Российская ассоциация историков Первой мировой войны и другие общественные организации и объединения России и Беларуси делают много для увековечения памяти героев и жертв Первой мировой войны.

В 2014 г. мир отметил 100-летие с начала Первой мировой войны. В России и Беларуси это событие было ознаменовано не только проведением целой серии научных конференций и всплеском публикационной активности историков и представителей других гуманитарных наук,

но и активным включением государства в процесс коммеморации. Еще в декабре 2012 г. была утверждена поправка к Федеральному закону Российской Федерации «О днях воинской славы и памятных датах России» от 13 марта 1995 г., вступившая в силу 1 января 2013 г., в которой Днем памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914–1918 гг., было установлено 1 августа³. Поскольку Калининградская область является единственным регионом современной России, где проходили боевые действия во время Первой мировой войны, именно в Калининграде 30 мая 2014 г. открылся первый в Российской Федерации памятник героям этой войны (скульптор С. Щербakov). В 2014 г. в г. Пушкине в составе музея-заповедника «Царское село» в Государевой Ратной палате открылся первый в России музей «Россия в Великой войне», а в 2018 г. здесь был заложена мемориальная растительная зона памяти героев Первой мировой [6, с. 49]. Традиция создания «лесов памяти» постепенно формируется и в других регионах России.

В г. Сморгони Гродненской области Беларуси в день 100-летия объявления Германией войны России открылся Мемориальный комплекс памяти героев и жертв Первой мировой войны (скульпторы А. Артимович, В. Теревун, архитектор А. Божидай), на возведение которого из средств Союзного государства было выделено 700 тыс. долларов, привлекались и средства из местного бюджета⁴. Место для памятника было выбрано неслучайно: 810 дней здесь шли ожесточенные бои, сдерживавшие продвижение противника вглубь страны. В этом противостоянии погибли десятки тысяч солдат и офицеров русской армии (точная цифра не установлена, известны всего порядка 900 имен), а город Сморгонь получил название «мертвого», поскольку из 16 тыс. жителей в нем осталось только 154 человека. Здесь героически сражались будущие маршалы Советского Союза Р.Я. Малиновский и Б.М. Шапошников, будущие знаменитые писатели М.М. Зощенко и В.П. Катаев, будущие активные участники Белого движения М.Г. Дроздовский и А.П. Кутепов и многие другие.

Мемориал представляет собой масштабную композицию, состоящую из двух элементов. Первый представлен символической часовой с колоколами, у подножия которой находится отлитая в бронзе стилизованная карта боевых действий 1915–1917 гг., а по бокам расположены

³ Федеральный закон от 30.12.2012 № 285-ФЗ «О внесении изменений в статью 1.1 Федерального закона “О днях воинской славы и памятных датах России”». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140081/3d0cac60971a511280cbb229d9b6329c07731f7/#dst100009 (дата обращения: 10.09.2022).

⁴ Блинов М. «Лучший памятник солдату» открыт в Белоруссии к юбилею Первой мировой. 04.08.2014. URL: <https://ria.ru/20140804/1018773257.html?ysclid=lmxkt3g7qn618867732> (дата обращения: 10.04.2023).

гранитные урны с землей с мест воинских захоронений. Информация об объекте мемориализации изложена на двух языках – русском и белорусском (важное замечание, поскольку большинство исторических памятников на территории Минска, например, сопровождающих табличек на русском языке не содержат). Вторая часть комплекса представлена трехчастной скульптурной композицией – «Беженцы», «Солдаты Первой мировой» и «Крылатый гений солдатской славы», вокруг которой размещены гранитные памятные камни с бронзовыми медальонами с текстом на русском языке, повествующие о событиях и героях тех далеких дней. Так, на одном из медальонов обозначено, что «здесь 19 июня 1916 г. на позициях 253-го Перекопского и 254-го Николаевского пехотных полков 26-го армейского корпуса российской армии в результате газовых атак германских войск были отравлены 33 офицера и 1584 солдата». В дальнейшем на фронте под Сморгонью газовые атаки предпринимались неоднократно и унесли жизни десятков тысяч человек. Описание этого ужаса сохранились в источниках личного происхождения: дневнике и письмах с фронта А.Л. Толстой, дочери великого русского писателя, которая работала в госпитале недалеко от Сморгони, в воспоминаниях К.Г. Паустовского, служившего здесь санитаром.

Для Беларуси мемориал в Сморгони стал первым памятником подобного масштаба. На его открытии заместитель премьер-министра Республики Беларусь А. Тозик охарактеризовал события Первой мировой войны как «огромную трагедию национальной истории» для белорусов⁵. Согласно данным, размещенным на официальном сайте Национальной библиотеки Беларуси, около 900 тыс. жителей белорусских губерний было призвано в армию Российской империи и порядка 70 тыс. из них оказались в числе безвозвратных потерь, около 60 тыс. мирных жителей погибло и еще порядка 50 тыс. было угнано в Германию, громадных масштабов достигло беженство, количественные оценки которого до сих пор вызывают споры историков и колеблются в пределах от 1,5 до 2,2 млн человек⁶. Само явление беженства также получило неоднозначную оценку в белорусской историографии. Так, например, О.Ф. Шаталова характеризует его исключительно как принудительное и приводит данные о количестве эвакуированных царскими войсками

⁵ Блинов М. «Лучший памятник солдату» открыт в Белоруссии к юбилею Первой мировой. 04.08.2014. URL: <https://ria.ru/20140804/1018773257.html?ysclid=lmxkt3g7qn618867732> (дата обращения: 10.04.2023).

⁶ Беларусь в Первой мировой войне: общая справка. Национальная библиотека Беларуси. Официальный сайт организации. URL: <https://www.nlb.by/content/informatsionnye-resursy/elektronnye-informatsionnye-resursy/resursy-natsionalnoy-biblioteki-belarusi/virtualnyeproekty-vystavki-i-kolleksii/virtualnye-proekty-biblioteki/belarus-v-pervoy-mirovoy-belarus-v-pervoy-mirovoy-voynе-obshchaya-spravka/> (дата обращения: 10.03.2023).

православных крестьян из Гродненской губернии летом 1915 г., называя цифру в 1 340 000 чел., которые вынужденно выехали вглубь империи [18, с. 164]. Однако оснований рассматривать гуманитарную трагедию белорусского народа как результат злонамеренных действий российской армии и правительства нет никаких оснований, поскольку мотивом эвакуации было спасение человеческих жизней, да и тяготы войны в той или иной степени несли на своих плечах представители всех народов, входивших в состав империи. Мемориал в Сморгони в силу своей художественной и смысловой ценности, с нашей точки зрения, может рассматриваться в качестве удачного проекта по формированию единой исторической памяти россиян и белорусов о Великой войне. Сохраняются планы устройства здесь музея памяти, который пока не возведен. Поддержание мемориала в должном состоянии в настоящее время требует дополнительного финансирования.

Значение знаково-символических образов, заключенных в произведениях искусства и формируемых с помощью искусства, для укрепления исторической памяти общества возрастает в процессе их превращения в фактор социализации подрастающего поколения. Мемориал в Сморгони является местом посещения школьников, в основном, в рамках экскурсионных программ, тематических поездок и организации здесь памятных акций с участием молодежи⁷. Воспитательный потенциал этого места памяти далеко не исчерпан.

События у Сморгони нашли отражение в российском кинематографе. Вышедший в 2015 г. телевизионный сериал режиссера Д.Д. Месхиева «Батальонъ» повествует о подвиге женщин-добровольцев в Первой мировой войне; одна из сюжетных линий фильма посвящена собственно боевым действиям у Сморгони, в которых женский батальон принимал участие под командованием М.Л. Бочкарёвой. Героизация этого забытого подвига (сразу оговоримся, что термин «забытая» в отношении Первой мировой войны актуален скорее для общественного (массового) сознания, нежели для академической науки, которая изучает данное событие довольно пристально) на уровне кинематографа является относительно успешной попыткой интеграции данной тематики в пространство современной массовой культуры. Репрезентацию событий Первой мировой войны в кинематографе можно рассматривать в качестве одного из механизмов формирования исторической памяти, которая с научной точки зрения является результатом взаимодействия прошлого и настоящего и отражается в различных социокультурных контекстах [19, р. 2].

⁷ Сморгонь посетила российская делегация Фонда «Мир ради жизни» // Гродзенская праўда. 11.11.2018.

Возведение символических объектов в местах, где мемориализируемые события не происходили непосредственно, но призванных актуализировать внимание граждан на конкретном историческом событии или символическом увековечении памяти о героях, также выступает важной формой коммеморации и элементом политики памяти. Подобные объекты в знак памяти о Первой мировой войне на территории Российской Федерации были возведены в Москве, Ростове-на-Дону, Новочеркасске, Санкт-Петербурге, Батайске, Азове Ростовской области, Воронеже, Краснодаре, Гусеве Калининградской области и ряде других городов. 1 августа 2014 г. на церемонии открытия памятника Героям Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве В.В. Путин отметил, что «принципиально важно достойно увековечить память о бойцах русской армии, найти и обустроить захоронения Первой мировой войны, которых в России немало, их сотни. <...> Там покоятся воины разных стран. Но все они навеки связаны общей трагедией»⁸.

Яркими примерами скульптурных сооружений, формирующих символический образ народного героя войны в массовом сознании, выступают памятники «Прощание славянки» на Белорусском вокзале в Москве (скульпторы С. Щербаков и В. Малокостов, архитектор В. Данилов) и «Русской Гвардии Великой войны» на Витебском вокзале в Санкт-Петербурге (архитектор А. Королев). Первые авторы наделили двойным символическим значением, обнаруживая связь времен между 1914 и 1941 гг. По подсчетам исследователя Первой мировой войны и специалиста в области изучения коллективной памяти К.А. Пахалюка, за период 2001–2016 гг. в разных регионах России, за исключением Москвы, Калининградской области и мест, где был увековечена память казаков и воинов «Дикой дивизии», был возведен 41 памятник, не считая мемориальных досок [10].

Рассмотрение форм коммеморации последних двух десятилетий показывает, что они не имеют принципиальных отличий от используемых в мировой практике, при этом масштабы мемориализации глобального военного конфликта начала XX в. в России и Беларуси существенно возросли. Увеличилась и доля государственного участия в работе по увековечению памяти о нем, обусловленная как внутренним общественным запросом, так и решением общих политических задач, однако она несравнима с масштабами инициативы, которая исходит снизу и продолжает оставаться основным источником конструирования коллективной памяти о Великой войне.

⁸ Владимир Путин призвал современников помнить об уроках Первой мировой войны. Сообщение ТАСС. 01.08.2014. URL: <https://tass.ru/obschestvo/1355093?ysclid=lmxuobkttk672427084> (дата обращения: 10.02.2023).

Коммеморация событий и героев Первой мировой войны обладает существенным потенциалом для выстраивания единой политики памяти России и Беларуси. Однако этот процесс затрудняет разная трактовка трагических событий начала XX в.: в отличие от России, где тема воинского героизма возобладала в процессе реконструкции памяти о войне, в Беларуси доминирует тема «коллективной трагедии» национального масштаба. С Первой мировой войной связывается экономический упадок и обезлюдение целого ряда областей, из которых мирные жители вынуждены были эвакуироваться вглубь России, спасая свои жизни и семьи. Для сближения позиций необходима кропотливая работа историков, учителей, грамотных политиков с обеих сторон.

Библиографический список / References

1. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014. [Assman A. *Dlinnaja ten proshlogo: memorialnaja kultura i istoricheskaia politika* [The long shadow of the past: Memorial culture and historical politics]. Moscow, 2014.]
2. Воинские захоронения на территории Республики Беларусь. Минская область. Первая мировая война / Сост. В.А. Богданов, Ф.Ю. Каркотко. Мн., 2018. [Voinskie zahoroneniia na territorii Respubliki Belarus. Minskaja oblast. Pervaja mirovaja vojna [Military burials on the territory of the Republic of Belarus. Minsk region. World War I]. V.A. Bogdanov, A.Ju. Karkotko (eds.) Minsk, 2018.]
3. Воинские захоронения на территории Республики Беларусь. Брестская область. Витебская область. Первая мировая война / Сост. В.А. Богданов, Ф.Ю. Каркотко. Мн., 2019. [Voinskie zahoroneniia na territorii Respubliki Belarus'. Brestskaja oblast. Vitebskaja oblast. Pervaja mirovaja vojna [Military burials on the territory of the Republic of Belarus. Brest region. Vitebsk region. World War I]. V.A. Bogdanov, A.Ju. Karkotko (eds.). Minsk, 2019.]
4. Война, политика, память: наполеоновские войны и Первая мировая война в пространстве юбилеев / Баранов Н.Н., Галкина Ю.М., Голотина А.И. и др. М., 2020. [Baranov N.N., Galkina Ju.M., Golotina A.I. et al. *Vojna, politika, pamjat: napoleonovskie vojny i Pervaja mirovaja vojna v prostranstve jubileev* [War, politics, memory: The Napoleonic Wars and the First World War in the space of anniversaries]. Moscow, 2020.]
5. Галкина Ю.М. Коммеморативные практики пятидесятилетия Первой мировой войны во Франции (1964–1968) // Клио. 2019. № 8 (152). С. 66–75. [Galkina Yu.M. Commemorative practices of the fiftieth anniversary of the First World War in France (1964–1968). *Klio*. 2019. No. 8 (152). Pp. 66–75. (In Rus.)]
6. Маньков С.А. Мемориализация Великой войны в парках и ландшафтных объекта мира // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2020. № 2 (43). С. 44–50. [Mankov S.A. Memorialization of the Great War in parks and landscape objects of the world. *Vestnik*

- Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultyry*. 2020. No. 2 (43). Pp. 44–50. (In Rus.)]
7. Морозов Д.В. Благоустройство и сохранение мест памяти Первой мировой войны на территории Западной Беларуси 1921–1939 гг. // Сервис в России и за рубежом. 2015. Т. 9. № 5. С. 210–218. [Morozov D.V. Improvement and preservation of places of memory of the First World War in the territory of Western Belarus 1921–1939. *Servis v Rossii i za rubezhom*. 2015. Vol. 9. No. 5. Pp. 210–218. (In Rus.)]
 8. Новиков А. Поля воинской славы и памятные знаки четырех войн самой западной области России // Проблемы межрегиональных связей. 2018. № 13. С. 12–17. [Novikov A. Fields of military glory and commemorative signs of the four wars of the westernmost region of Russia. *Problemy mezhregionalnyh svyazey*. 2018. No. 13. Pp. 12–17. (In Rus.)]
 9. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / Под ред. П. Нора; Пер. с фр. Д.Р. Хапаевой. СПб., 1999. С. 17–50. [Nora P. Between memory and history. Problematics of places of memory. *Les Lieux de mémoire*. P. Nora (ed.). D.R. Hapaeva (transl. from French). St. Petersburg, 1999. Pp. 17–50. (In Rus.)]
 10. Пахалюк К.А. Первая мировая война и память о ней в современной России // Неприкосновенный запас. 2017. № 1 (111). С. 106–128. [Pakhalyuk K.A. The First World War and its memory in modern Russia. *Neprikosnovenniy zapas*. 2017. No. 1 (111). Pp. 106–128. (In Rus.)]
 11. Пахалюк К.А. Память о Первой мировой войне в региональном измерении современной России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2017. № 1 (41). С. 79–93. [Pakhalyuk K.A. Memory of the First World War in the regional dimension of modern Russia. *Vestnik NIi gumanitarnyh nauk pri Pravitelstve Respubliki Mordovija*. 2017. No. 1 (41). Pp. 79–93. (In Rus.)]
 12. Пахалюк К.А. Первая мировая война в контексте культурного измерения внешней политики современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2017. № 1. С. 17–32. [Pakhalyuk K.A. The First World War in the context of the cultural dimension of the foreign policy of modern Russia. *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*. 2017. No. 1. Pp. 17–32. (In Rus.)]
 13. Политика Памяти в России – региональное измерение / Под ред. А.И. Миллера, О.Ю. Малиновой, Д.В. Ефременко. М., 2023. [Politika Pamjati v Rossii – regionalnoe izmerenie [The memory policy in Russia – a regional dimension]. A.I. Miller, O.Ju. Malinova, D.V. Efremenko (eds.). Moscow, 2023.]
 14. Поршнева О.С. Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // Дискурс-Пи. 2020. Т. 17. № 2 (39). С. 128–141. [Porshneva O.S. The study of the politics of memory: To overcome the methodological dichotomy (on the example of the First World War). *Diskurs-Pi*. 2020. Vol. 17. No. 2 (39). Pp. 128–141. (In Rus.)]
 15. Смирнова Т.А. Особенности изучения исторической памяти и практик коммеморации Первой мировой войны в Великобритании 1918–1939 гг. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. С. 95–98. [Smirnova T.A. Features of the study of historical memory and

- practices of commemoration of the First World War in Great Britain 1918–1939. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2014. No. 4. Vol. 1. Pp. 95–98. (In Rus.)]
16. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / Сыров В.Н., Головашина О.В., Аникин Д.А. и др. Томск, 2019. [Syrov V.N., Golovashina O.V., Anikin D.A. et al. *Konceptualnye osnovaniya politiki pamjati i perspektivy postnacionalnoj identichnosti* [Conceptual foundations of the memory policy and prospects of post-national identity]. Tomsk, 2019.]
 17. Уинтер Дж. Места памяти, места скорби: Первая мировая война в культурной истории Европы / Пер. с англ. А.В. Глебовской; Науч. ред. Б.И. Колоничкий. СПб., 2023. [Winter J. *Mesta pamjati, mesta skorbi: Pervaja mirovaja vojna v kul'turnoj istorii Evropy* [Sites of memory, sites of mourning: The Great War in European cultural history]. A.V. Glebovskaya (transl. from English); B.I. Kolonickiy (ed.). St. Petersburg, 2023.]
 18. Шаталова О.Ф. «Непреодоленное прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян // История и историческая память. 2010. № 2. С. 162–175. [Shatalova O.F. “The insurmountable past”: Wars and catastrophes as “places of memory” of Belarusian peasants. *Istorija i istoricheskaja pamjat*. 2010. No. 2. Pp. 162–175. (In Rus.)]
 19. Coss D. First World War Memorials, Commemoration and Community in North East England, 1918–1939. Durham University, 2012.
 20. Halbwachs M. *The Collective Memory*. N.-Y., 1980.

Статья поступила в редакцию 01.09.2023, принята к публикации 15.09.2023
The article was received on 01.09.2023, accepted for publication 15.09.2023

Сведения об авторе / About the author

Рафалюк Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; научный сотрудник Центра междисциплинарных исследований, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва

Svetlana Yu. Rafalyuk – PhD in History; associate professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University; Researcher at the Center for Interdisciplinary Research, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow

E-mail: svetlana.rafalyuk@yandex.ru